

*Ввязаться
в игру —
значит идти
до конца*

.....

—————

Кайя Асмодей

ДНЕВНИК ИНТРИГАНКИ

.....

роман-искушение

*Посвящается новому поколению,
рожденному, чтобы найти
свою любовь*

Annotation

В один миг жизнь Стефании в небольшом городке, где у нее есть подруги, друзья и любимый парень, резко меняется. Мама уезжает на заработки в другую страну, а Стефу отправляет в большой город к отцу, которого девушка никогда не видела. Мало того что отец оказывается карьеристом со скверным характером, так еще и новые одноклассники устраивают девушке ледяной прием. Оказывается, она толстая, нелепая, безвкусно одетая, некрасивая, глупая неудачница и никому не нравится. Единственный, кто относится к Стефе дружелюбно, это парень из дома напротив. Но дружба с ним может дорого обойтись девушке. Она и не подозревает, что уже стала частью чьей-то хитроумной игры. И единственное оружие, которое есть у Стефы, это случайно найденный дневник с тайнами и грязными секретами ее врагов. Но сумеет ли девушка распорядиться им разумно?

Кайя Асмодей

Дневник интриганки

© Кайя Асмодей

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Посвящается И. М. Я растворяюсь в тебе...

Пролог

Я всегда знала, что мама не любит сложные разговоры, но не настолько же!

Она просто заглянула в мою комнату и сказала, в своей привычной манере, беспечно, нисколько не шадя:

— Я еду на заработки в Англию, а ты пока поживешь у отца.

— Мама! — Я вскочила с кресла, на котором сидела с учебником по физике. — Ты о чем вообще?

Мать хотела скрыться за дверью, но мой вопль ее остановил, она со вздохом взглянула на меня и нехотя сказала:

— Деньги нужны тебе на обучение. Это всего на годик. Ты и не заметишь. В Англии горничные в пятизвездочном отеле зарабатывают очень прилично. Питание и проживание включены, я смогу откладывать. Умоляю, только не спорь! Все решено!

Я стояла посреди своей маленькой комнатухи, потрясенно открывая и закрывая рот, пытаюсь вставить в мамин монолог хоть слово.

Все бы ничего, да только...

— Поживу у отца? У какого отца? У меня же нет отца! — воскликнула я, воспользовавшись ее паузой.

Мама повела плечом и поморщила нос.

— У всех есть отцы. Биологию вам, что ли, в школе не преподают!

Не в силах стоять, я упала в кресло, прошептав:

— Единственный раз, когда я в шесть лет спросила у тебя про отца, ты сказала, что он урод натуральный и говорить мы о нем не будем! Что изменилось? Он перестал быть уродом за эти последние пятнадцать лет?

Мама закатила глаза.

— Ну почему ты вечно цепляешься к моим словам? Подумаешь, что я там сто лет назад сказала.

— Мама, но я не знаю отца! Как я могу жить с незнакомым человеком? Це-е-елый го-о-од!

— Вот и познакомитесь! Вы очень похожи! И обязательно поладите!

Мой взгляд упал на висящее справа от кресла зеркало. Значит, мой отец рыжий, веснушчатый, немного нескладный, что-то среднее между Винни-Пухом и Тигрой из диснеевского мультфильма. Отлично!

— Ты не веришь, что я способна поступить на бесплатное? — с отчаянием прошептала я.

Мать опустила глаза и вздохнула. Ответ не требовался. Она не верила в меня.

Я молчала, зная, что когда мама говорит, что все решено, это действительно так, и ничто на свете ее не переубедит. А меня она вообще никогда не слушала.

Наконец, мама не выдержала:

— Ну не надо на меня обижаться! — Она подошла ко мне, присела на корточки и обняла мои ноги. — Все это ради тебя, козлик! Ради твоего будущего.

Мне хотелось расплакаться, но я лишь спросила:

— А как быть с моим настоящим?

— Воспринимай это как путешествие и веселые каникулы, дорогая!

— Да? — У меня внутри все обмерло. — Мама, когда ты говоришь «путешествие», ты ведь не имеешь в виду...

— Твой отец из Петербурга, — как всегда без предисловий, ошарашила она.

— Но это очень далеко! Как я буду ходить в школу? На самолете летать? Десятый класс, мама!

— А в Петербурге, думаешь, школ нет? Там есть все, что душе угодно! Тебе понравится!

— Ага. Как тебе, шестнадцать лет назад?

Мать выпрямилась во весь рост и, взглянув на меня сверху вниз, прошагала к двери, бросив:

— Собирай потихоньку вещи!

Зазвонил мобильник, на экране высветилось: «Таня Поднебесная». Я понятия не имела, как сказать лучшей подруге, что я поживу годик в Петербурге с каким-то отцом...

Но все-таки я ответила. Подружка и судьба решили добить меня окончательно, Таня прокричала в трубку:

— Теф, я такое тебе расскажу! Ты сейчас просто умрешь!

Я лишь горько усмехнулась, пробормотав:

— Я уже мертва, так что давай, рассказывай!

— Помнишь Макса?

Спрашивает! Конечно, я помню Макса. Я влюблена в него чуть ли не с детского сада.

— Ну и? — поторопила я.

— Макс попросил у меня сегодня твой номер телефона.

— Зачем?

— Вот и я его спросила!

— А он?

— Говорит, в кино хочет с тобой пойти. В кино! Макс! Ну что? Счастлива?

Таня на том конце ждала, а я на этом была не в силах вымолвить ни слова. Почему так? Мечты врываются в закрывающуюся дверь трамвая желаний, вот они, тут, чтобы сбыться для тебя, да только вы разминулись в дверях, потому что ты вышла на остановке.

— Ты там язык от радости проглотила? — весело уточнила Таня.

— Тань... — дрожащим голосом прошептала я.

— Ты чего, плачешь, дуреха? Что случилось?

— Мама едет в Англию работать, а я переезжаю на год к отцу в Питер.

— Какой Питер? К какому еще отцу? У тебя же нет отца!

— И я так думала...

— А как же Макс и кино? А как же школа? А наш книжный клуб? А я?

Что я могла ответить? Что взрослые иногда хотят как лучше, а получается как всегда? Думаю, Таня и так это знала. Она росла старшей в многодетной семье, где всегда приходилось идти на уступки, стараться понимать и быть не по возрасту взрослой.

Мы помолчали, наконец Таня сказала:

— «Один год» звучит оптимистичнее, чем навсегда или никогда больше, правда? Макс, кино, школа, книжный клуб и я будем и через год на том же самом месте — ждать тебя!

Глава 1

Самый кошмарный год

Мы стояли перед дверью квартиры с номером «66», и мама монотонно нажимала на звонок. Под которым была нацарапана чем-то острым надпись «Козел».

— Может, его дома нет? — вяло предположила я.

Мама ничего не ответила. Я присела на чемодан и уточнила:

— Ты ведь сказала отцу, какой у нас рейс?

И снова это многозначительное молчание. У меня закрались нехорошие мысли, только я не успела их озвучить. Раздалось лязганье засова, ворчание: «Кого там черти принесли в такую рань?» — И дверь распахнулась.

Я взволнованно вскочила с чемодана и втянула воздух, чтобы казаться стройнее. Какой-никакой — отец. И мне хотелось выглядеть наилучшим образом. Но, увидев перед собой черноволосого красивого молодого мужчину в наспех накинута халате, я выдохнула, разом обмякнув. Встреча откладывалась. Этот человек даже отдаленно не был похож на моего отца.

— Вам кого? — спросил мужчина.

Мать ничуть не выглядела удивленной. Она кивнула мужчине на меня и сказала:

— Андрей, это твоя дочь Стефания.

— До-о-очь? — в один голос произнесли мы с мужчиной.

Сказать, что он выглядел потрясенным, — это не сказать ничего. Он вытаращился на меня так, словно увидел инопланетянина. Я вновь попыталась втянуть щеки, но у меня получилось неважно.

Мужчина нахмурился, затем с облегчением покачал головой.

— Вы ошиблись этажом!

Моя мать хмыкнула.

— С чем я ошиблась, так это с количеством выпитого... шестнадцать лет назад. А с этажом все в порядке! Кафе, Набережная Обводного канала, танцы под луной, припоминаешь?

Он прищурил один глаз.

— Маша? С-с-света? Света!

Мама кивнула.

— Так мы пройдем?

— Нет! — вскричал мужчина, пригладив волосы. — То есть... — Он с надеждой взглянул на мою мать. — Это какой-то розыгрыш?

Я покосилась на мать, и мне стало не по себе.

— Ты не предупредила его о нашем приезде? — шепотом спросила я.

Ответ был очевиден.

— Андрей, я никогда тебя ни о чем не просила, — отстраняя его и проходя в квартиру, промолвила моя мама. Мне она жестом показала следовать за ней. Красная от стыда, я потащила чемодан мимо мужчины в прихожую. Новоиспеченный папочка не остановил меня, хотя на его красивом лощеном лице было написано, что он очень хотел.

Прихожая оказалась просторной и светлой, больше моей комнаты дома, со встроенными зеркальными шкафами, кафельным полом и потолком со множеством лампочек. Не то что

темный коридорчик со старым, обрезанным по размеру паласом в нашей двушке.

А мать между тем продолжила свою речь:

— Я хоть раз обратилась к тебе? Требовала алиментов или еще чего-то?

Андрей молчал. Или мне нужно называть его отцом? Для отца, пожалуй, он слишком молод и хорош собой.

— Настало время и тебе что-то сделать для своего ребенка.

— Что именно?

— Я уеду на год в Англию... — И мать умолкла, позволив остальное додумать Андрею самому.

И он додумал, на его лощеном лице отразился ужас. Он покосился на меня и выпалил:

— Да она даже не похожа на меня!

Моя мама пожала плечами.

— Сделай тест. У тебя ведь две комнаты?

— Две. Вернее, одна. Вторая занята.

Мама толкнула одну дверь — за ней оказалась спальня в черно-серых тонах с огромной кроватью. Тогда мать открыла другую дверь, за ней оказался мини-тренажерный зал. На стене огромная плазма, на окне и балконной двери вертикальные жалюзи. Вдоль стены стеллаж, на котором блестели стройным рядом награды «Лучший маркетолог отдела», «Маркетолог года» и другие. Там же стоял небольшой столик с компьютером, сканером и принтером.

Андрей самодовольно улыбнулся, и в его васильковых глазах, цветом и разрезом в точности как у меня, загорелся огонек злорадства.

— Как видишь, Света, разместиться у меня негде. Здесь лишь одна кровать — в моей спальне. Э-э... девочка остаться тут не может. Прости, я бы рад помочь, но сама видишь...

— Бросишь ей матрас вон там, — указала моя находчивая мама на угол комнаты возле беговой дорожки. Ей много не надо. Козлик. — Она обернулась ко мне и, ласково коснувшись щеки, взяла чемодан и внесла в комнату с тренажерами. — Тебе здесь будет замечательно, посмотри, даже телевизор есть! Плоский, очень замечательно!

Мне казалось, что все происходящее — это не по-настоящему. Такого просто не могло приключиться.

— Света, можно с тобой поговорить? — Ноздри Андрея раздувались, он, похоже, сдерживался из последних сил.

Мама улыбнулась и, закрыв меня в тренажерном зале, сказала моему отцу:

— Я смотрю, ты все такая же эгоистичная скотина.

— А ты все такая же эксцентричная деревенщина, которая так ничего и не поняла...

Их голоса удалялись, да мне и не хотелось прислушиваться. Единственное, чего мне хотелось, — это убраться отсюда. Еще никогда я не испытывала такой стыд за себя и за маму.

Я просидела полтора часа среди тренажеров в ожидании, что сейчас войдет мама и скажет, что мы уезжаем. Я бы обняла ее и заверила, что ни один институт не стоит таких унижений.

Но мама не пришла, в дверь постучался Андрей, окинул меня тяжелым взглядом. Он уже был одет в серую рубашку и черные костюмные брюки.

— Твоя мама пошла в магазин, — объявил он.

Я не знала, что сказать, и лишь кивнула.

А он, закончив разглядывать меня, сказал:

— Я не стану нянчиться с тобой, у меня своя жизнь. И если ты останешься тут, то тебе нужно сразу уяснить: свои проблемы ты будешь решать сама.

— Проблемы?

Он передернул плечами.

— Таким, как ты, непросто в школе и по жизни...

Я удивленно заморгала.

— Таким, как я? Это каким?

Андрей промолчал, лишь приподнял брови. А я вдруг поняла — он считает меня неудачницей. Неказистой, полноватой, несимпатичной. Я, конечно, всегда знала, что не эталон красоты и стройности, но никто еще так меня не оскорблял. Даже мальчишки в школе. Да, бывало, крикнут вслед «рыжая-веснушчатая». Но я не обижалась. И со мной многие хотели дружить, я нравилась одноклассникам и ребятам из параллели, может, не как девушка, но хотя бы как приятный человек. Сам Максим, популярный старшеклассник, хотел пойти со мной в кино. А это о чем-то да говорит! Так почему же родной отец не увидел во мне того хорошего, что видели другие?

Я почувствовала, что краснею. Как было глупо выбирать красивый сарафан и нарядную кофту для встречи с этим человеком. Для него я и моя мама — деревенщины лишь потому, что приехали из небольшого городка. И даже в самой нарядной своей одежде мы в его глазах аляповатые и плохо одетые.

— Твоя мать хочет, чтобы мы подружились.

— Это не обязательно, — выдохнула я.

— Согласен. — Кажется, он впервые искренне улыбнулся. — Будет достаточно, если мы просто постараемся друг другу не мешать. О школе я договорюсь. — И, прежде чем выйти, он окинул рукой тренажеры: — Можешь пользоваться этим всем!

Не знаю, был ли это намек, что мне надо похудеть. Но в первый раз с тех пор, как узнала, что за год у меня впереди, я расплакалась.

Слезы душили меня, в этой комнате, полной железяк, было нечем дышать. Я подскочила к балконной двери, выскочила на небольшой открытый балкончик и завизжала что есть мочи. В каком-то журнале я читала, что такой выброс эмоций может помочь.

Вранье. Мне не помогло. Люди, которые шли вниз, подняли головы и посмотрели на меня как на сумасшедшую. А на балконе дома напротив я заметила сидящего в кресле кудрявого парня, он тоже с любопытством уставился на меня.

Я вытерла щеки и помахала ему рукой.

После некоторых раздумий он ответил на мое приветствие.

— Как дела? — крикнула я надрывающимся голосом.

Он молчал. Возможно, орать через улицу было плохой идеей. Я уже хотела зайти в комнату, когда заметила у него в руках лист формата А4. На листе черным маркером парень написал свой ник в аське и пароль сети вай-фай.

Я вынула из кармана телефон, подключилась к Интернету и открыла программу для обмена быстрыми сообщениями.

Tef: «Привет!»

LI\$: «Никогда тебя не видел раньше!»

Tef: «Я сегодня приехала из Харабали. Знаешь такой город?»

Наверно, мне хотелось с кем-то поговорить о доме, но не вышло.

LI\$: «Для питерцев существует лишь один город».

Tef: «И свою географическую невежественность питерцы скрывают за пафосной преданностью городу?»»

Я думала, он обидится, но он меня удивил.

LI\$: «Ха-ха!»

LI\$: «Свое невежество питерцы скрывают за неискренним смехом. Но это между нами ☺».

На балкон выглянула мама.

— Стефания, вот ты где! Привезли диван, идем, выберешь место, куда поставить.

Я только и успела написать: «Мне пора», прежде чем мама утащила меня в комнату.

Увидев, как двое рабочих вносят в комнату диван-книжку, я вдруг осознала, что это действительно конец. Конец мечтам уехать домой и начало самого кошмарного года в моей жизни.

— Куда ставим, хозяйка? — спросил один из рабочих.

Я показала на местечко у стены. Права, маме пришлось отодвинуть велотренажер, прежде чем рабочие поставили туда диван.

Мама достала из большой сумки комплект зеленого постельного белья с белыми цветами.

— На первое время хватит. Вот тут, — указала она на сумку, — я прикупила тебе некоторые вещички, потом посмотришь.

— Мам, — прошептала я, — а нельзя мне с тобой? Я не хочу тут оставаться!

Она порывисто обняла меня.

— Да ты и глазом не успеешь моргнуть, как мы снова будем вместе!

Заметив, что Андрей наблюдает за нами из прихожей в приоткрытую дверь, я отпрянула от матери и отвернулась. Возможно, если бы отец оказался совсем другим, таким, каким бывают хорошие отцы, мне было бы легче. Впрочем, хорошие отцы не отказываются от своих детей. И чего я ожидала?

Мама заправила мне кровать новым бельем, а затем позвала на кухню ужинать.

Кухня в квартире отца была огромной, метров двадцать. Встроенные шкафчики и техника — все серебристое и блестящее. Вместо обеденного стола длинная барная стойка. Ничего общего с нашей крохотной кухонькой со старой плитой, ставшей уже из белой желтоватой. Но, несмотря на всю модность и современность обстановки, я не чувствовала себя уютно. Здесь было как-то слишком просторно, холодно и голо.

Андрей заказал суши и роллы. И был изумлен, это читалось в его взгляде, когда заметил, что мы с мамой не умеем есть палочками.

В наше оправдание я брякнула:

— Мы предпочитаем суп, — и, бросив палочки, взяла вилку и воткнула в ролл.

Мама негромко засмеялась и тоже отложила палочки. Сейчас — в домашнем платье, без макияжа, немного смущенная, она мне показалась очень красивой и молодой. Конечно, в ней не было той глянцевой красоты, которую наверняка предпочитал этот пижон Андрей. Мамино лицо даже по выходным носило отпечаток усталости, а в больших серых глазах словно застыла тоска. Она не выглядела моложе своих лет, но в ее характере всегда было что-

то порывистое, взбалмошное и юное, заставляющее мужчин, которые успевали узнать ее лучше, влюбляться в нее. Дома у нее было несколько преданных поклонников. Правда, мама частенько говорила, что ей никто не нужен.

Сейчас, наблюдая за ней и Андреем, я видела ее другой. Она робела перед этим мужчиной, в ней появилась неприсущая ей кротость, и скулы розовели от каждого его пренебрежительно брошенного взгляда.

Я не знаю, что чувствовала она, вынужденная сидеть напротив мужчины, которому было наплевать на нас шестнадцать лет, да и сейчас, но я его просто возненавидела.

Мама тронула меня за плечо и неестественно веселым голосом предложила:

— Стефания, расскажи немного Андрею о себе!

— Это что, интервью? — оцетинилась я.

Одна бровь отца изогнулась.

— Что за странное имя! Над тобой в школе не смеются?

— У нас прибалтийско-польские корни, это имя выбрала для меня прабабушка. И нет, никто надо мной не смеется в школе!

Андрей поднял на меня глаза, наши взгляды скрестились, как шпаги.

— И как мне тебя звать?

Я молчала. Потому что не хотела, чтобы он меня вообще как-то звал.

— Друзья зовут ее Теф, — подсказала мама. — Я иногда зову Фаня. Милая, не хочешь рассказать Андрею...

— Не особо, — я соскочила с высокого табурета, — устала, пойду спать.

Выходя из кухни, я услышала, как Андрей раздраженно спросил:

— Она всегда такая дерзкая?

— Нет. Она хорошая девочка. Ей просто трудно. Она в чужом городе, остается с чужим, по сути, ей человеком и...

— Хочешь совет? Все просто! Не оставляй ее тут!

Я вздохнула. Уж я-то знала, моей маме советы ничьи не нужны.

Я заглянула в ванну, закрылась на защелку и приняла душ. В поисках зубной пасты я обследовала ящички. В одном из них я наткнулась просто на гору презервативов. Вот как, а мой отец предусмотрительный и осторожный. Но совершенно очевидно, таким он был не всегда. Иначе я бы здесь не стояла.

Я выключила свет и, подсвечивая путь к дивану мобильником, юркнула под одеяло. Спать не хотелось, и я зашла в Интернет. Мой новый знакомый был онлайн. И я решила ему написать.

Тef: «Что делаешь?»

Он ответил лишь через пять минут.

LI\$: «Ищу на карте Мухосранск, из которого ты приехала, чтобы поддержать с тобой разговор».

У меня к лицу прилил жар, а сердце заколотилось быстрее.

Тef: «Это было... грубо!»

LI\$: «Ну, возможно, так будет лучше? ☺☺?????»

Тет: «Считаешь, что говорить гадости с улыбкой приличнее?»

ЛІ\$: «Гадость, сказанная с улыбкой, — это шутка. А гадость, сказанная с серьезным видом, — это оскорбление».

Тет: «А мне кажется, оскорбление — есть оскорбление, сколько ни пытайся его завуалировать ухмылочками!»

ЛІ\$: «Тебе кажется!»

Продолжать с ним беседу мне расхотелось. Вряд ли мы подружимся. Поэтому я кинула на прощание: «Спокойной ночи, некультурный питерский мальчик!» — и отложила мобильник.

Через двадцать минут пришла мама и тихонько легла рядом.

— Мам, — позвала я.

— Да.

— Я ненавижу его.

Она не спросила кого. И так было ясно, что Андрея.

— Ненависть — скверное чувство, и от него тяжело лишь тебе, — тихо сказала мама. —

Он ничего плохого тебе не сделал.

— Хорошего тоже.

— У вас все впереди. Почему бы тебе не дать ему шанс?

— А разве он дал мне шанс? Он же не приехал, когда я родилась, чтобы хотя бы посмотреть на меня! Не приехал же?

Мама молча обняла меня. Я была права. Этот Андрей не дал шанса ни мне, ни маме, а я теперь почему-то должна быть благородной. Как бы не так! Я никогда прежде не чувствовала внутри такого kloкочущего чувства ярости.

— Он совершенно мерзкий, хорошо, что его не было в нашей жизни.

И снова мама ничего не сказала, лишь вздохнула. Я поняла, что ей тяжело оттого, что я возненавидела человека, с которым она вынуждена меня оставить. И специально, чтобы ей стало легче, я сказала:

— Ну ничего, мам, я тут справлюсь. Не бойся за меня!

Она погладила меня по щеке.

— Я знаю. Ты умница.

Мы проговорили целый час. Вспоминали дом и нашу жизнь, небогатую, но полную счастливых и просто замечательных моментов. Нам хорошо жилось вдвоем. И нам никто не был нужен. Ни Андрей, ни кто-то еще!

Мама пообещала, что когда вернется, я доучусь в родной школе, потом пойду в прекрасный институт, мы заведем полосатого кота, и все у нас будет отлично.

Я ей верила, думала, иначе и быть не может. Но я ошиблась.

Глава 2

Чудовища

Спустя два дня мама уехала, и в первое же утро без нее мы с Андреем поссорились.

Я пила йогурт, сидя на диванчике в кухне перед низким прямоугольным столиком. Барная стойка и высокие табуреты мне категорически не нравились. А моему папаше, похоже, нравилось каждое утро зависать перед работой в баре.

Андрей вошел на кухню, одетый в черный костюм, и протянул мне буклет.

— Изучи. Гимназия, куда пойдешь учиться.

Я взяла буклет.

— Почему туда?

— А почему бы не туда. — Андрей взял из холодильника фрукты, молоко и добавив в блендер какой-то спортивный порошок, приготовил себе коктейль.

Потягивая коктейль, он повернулся ко мне на высоком крутящемся стуле и спросил:

— Нравится?

Я отложила буклет.

— Нет, не нравится.

— Жаль. Потому что ты все равно пойдешь туда. Эта школа мне по пути на работу, я смогу тебя подвозить.

— Я предпочитаю ездить в школу на общественном транспорте.

Он одним махом допил коктейль, подошел к дивану и, нависнув надо мной, сказал:

— Характер решила показать? Мне безразлично, каким образом ты будешь попадать в эту школу, хоть на метле летай. Но ты будешь учиться здесь. — Он всунул мне в руку отложенный мною буклет.

Какое-то мне самой неясное упрямство заставило меня произнести:

— Мне не нравится эта школа, я в нее не пойду!

— Я отвалил директору этой школы приличную сумму денег, чтобы тебя зачислили. И я не думаю, что спрашиваю тебя, пойдешь ты или не пойдешь. Я тебе говорю: ты пойдешь.

— Тогда чего ради ты интересовался, нравится мне или нет?

Он хищно прищурил глаза.

— Это была всего лишь вежливость. На самом деле мне наплевать! — И махнув рукой, он бросил: — До вечера.

— А если я сбегу? — крикнула я ему вслед.

Он вернулся и предостерег:

— Сбежишь, я вызову полицию и скажу, что ты меня обокрала. Тебя в два счета найдут.

— А если я скажу, что ты... — Я умолкла и загадочно улыбнулась. Или я только вообразила, что это вышло загадочно?

Он неприлично рассмеялся и, окинув меня пренебрежительным взглядом, промолвил:

— Ты себя видела? Да кто в здравом уме в это поверит? — И, видя, как я густо покраснела, сжалился, примирительно предложив: — Будь умницей, не доставай меня, и мы поладим.

Он ушел, а я вышла в прихожую и подошла к зеркалу.

У меня все лицо в веснушках, как у мамы в юности, рыжие прямые волосы до

лопаток, рыжие ресницы, но довольно длинные, девочки в школе даже завидовали моим длинным ресницам. У меня васильковые яркие глаза, лицо овальной формы, полные губы и немного курносый нос. Я совершенно нормальная. Может, и не красавица, но и не уродина. У меня нет большого живота и при этом тонких ножек. Я не худышка — это правда. Упитанная, но равномерно, поэтому лишний вес даже и не заметен. Или заметен? Да если он и виден, кому какое дело вообще? Я не обжора, могу пропустить завтрак, обед или ужин. Кросс могу пробежать и по канату залезть до потолка! Мама говорила, что у меня такая конституция тела и в этом нет ничего страшного.

Наверняка Андрей нарочно издевается. Думает, раз уродился красавцем, может всех остальных тыкать носом в их непрезентабельную внешность, точно котят в лоток для туалета.

Успокоившись, я прошла в свою комнату, точнее, тренажерный зал. Хотела почитать, но не успела я устроиться с книгой на уже собранном диване, как в окно что-то стукнулось.

Я вышла на балкон и увидела на балконе соседнего дома моего вчерашнего знакомого. Он сидел в кресле и стрелял из рогатки ягодами рябины в мое окно. При виде меня парень поднял руку с телефоном.

Я достала из кармана мобильник и вышла в Интернет.

LI\$: «Надеюсь, сегодня у тебя настроение лучше?»

Tef: «Думаешь, в прошлый раз дело было в моем плохом настроении?»

LI\$: «Само собой!»

Tef: «Я заметила, что парни и мужчины в этом городе отличаются раздутым самомнением! Это лечится?»

LI\$: «Возможно!»

Tef: «Подскажешь рецепт?»

LI\$: «Готов обменять».

Tef: «На что?»

LI\$: «☹»

Tef: «Хм?..»

LI\$: «☹☹»

Tef: «Что бы ты ни имел в виду... Это наверняка очень самонадеянно с твоей стороны!»

LI\$: «Мужское самолюбие подобно надутому шару, который легко лопается, стоит поднести к нему острую, как игла, любовь. Не за что. Пользуйся».

Tef: «Хм... надо заточить любовь, а то она туповата у меня пока! И вообще, почему ты не в школе? Или ты уже студент?»

LI\$: «Ногу сломал, на лыжах катался, теперь сижу дома ☹. Ну а ты когда пойдешь в школу?»

Tef: «Видимо, скоро. Отец уже выбрал мне гимназию!»

LI\$: «Волнуешься?»

Tef: «Немножко. Так где ты сам учишься?»

LI\$: «СПбГУ, конечно. ЮРФАК!»

Tef: «На этом месте я должна наверняка снять шляпу и преклонить колени?»

LI\$: «Реверанса будет достаточно!»

* * *

Спустя почти неделю ничегонеделания, скуки и переписки с соседом наступило утро моего первого дня в новой школе. Я тщательно оделась и заплела косу.

— Ты в этом пойдешь? — встретил меня вопросом Андрей. Он сидел за барной стойкой

на кухне и пил кофе.

— Да. А что? — Я погладила свой сиреневый жакет, плотно прилегающий к телу, и коснулась в тон ему юбки до колен. Под жакетом на мне была рубашка в разноцветную полоску. На ногах коричневые ботиночки. Мы с мамой купили их мне перед отъездом. Очень симпатичные, с серебристыми пряжками.

Отец закатил глаза. Я не выдержала.

— Что не так?

— Прости, но ты выглядишь как... — Он умолк, подбирая слово, но не нашел, проворчал: — Тебя заклюют.

Я трянула аккуратной косой.

— Глупости. Никто меня не заклюет. Не переноси, пожалуйста, на меня свои собственные комплексы.

Он усмехнулся.

— Ладно. Завтракай — и вперед.

Я покачала головой.

— Когда волнуюсь, не могу есть!

Андрей криво улыбнулся.

— Видать, ты не очень часто волнуешься!

Ну все, достал! Я уперла руку в бок.

— Тебе обязательно мне постоянно намекать, что я толстая?

Он встал с табурета, взял пиджак, перекинул его через руку и, проходя мимо, проронил:

— Разве я намекаю? Но если тебе так показалось, возможно, подсознательно ты переживаешь из-за лишнего веса.

— Теперь я понимаю, почему ты не женат! — мстительно бросила я ему в спину. — Тебя никто долго выносить не сможет!

— Обсуди это со школьным психологом, — предложил он из прихожей.

Меня от него тошнит! И я не про психолога!

Мы молча вышли из парадной, и Андрей подошел к черному кроссоверу «BMW X6». Проходящая мимо дворничиха покосилась на нас и профырчала:

— С каждым днем все моложе и моложе водит, срам!

Андрей обернулся.

— Это моя дочь!

— Ну да, и я твоя дочь, папаша, — она обнажила беззубый рот, — и на прошлой неделе была дочь.

Я шагнула к ней и протянула руку:

— Здравствуйте, мне зовут Стефания. Я действительно его дочь.

Женщина растерянно пожала мою руку:

— Ну привет. Я тетя Маша.

Андрей махнул мне садиться в машину. Пока он выезжал со двора, я принялась выбирать радиостанцию, на что отец мне заявил:

— Я слушаю в машине шансон.

Я оставила станцию, где звучала песня «Фристайл» «Желтые розы», воскликнув:

— Я под эту песню отжигала на празднике в детском саду, — и, подпевая: «Эти желтые розы-ы-ы в нежном свете заката-а-а...», прибавила: — Ты многое потерял, что не видел!

Я в эту секунду наблюдала за его лицом, но на нем не отразилось никаких эмоций. А

через пять минут он указал мне на четырехэтажное здание школы:

— Приехали.

Когда я вылезала из машины, он с непонятным мне сочувствием сказал:

— Удачи. Если что... пожалуйся классному руководителю, не терпи.

Я недоуменно посмотрела на него.

— Не знаю, в какой школе ты учился и что там с тобой делали, но мы живем в двадцать первом веке, со мной все будет отлично! Это всего лишь школа.

И я решительно зашагала к школьному крыльцу, где стояла группа старшеклассников. Я приблизилась к ним.

— Ребята, привет! Я новенькая. Мне нужен триста двадцатый кабинет, подскажите?

Парни перестали разговаривать и уставились на меня, переглянулись, заулыбались. Один из них — высокий и очень красивый брюнет с золотистым загаром и вишневым оттенком глаз — предложил:

— Хочешь, провожу?

— Да, спасибо, если нетрудно.

— Легко! — Парень широко улыбнулся. Его друзья засмеялись. А он взял меня за локоть и повел в школу. — Я, кстати, Вова.

Я тоже представилась. Он сказал:

— Необычно.

Мы показали охраннику пропуска и двинулись в гардероб. Я сменила коричневые сапожки на черные туфли без каблука с оббитыми носами, которые мы с мамой покрасили черной краской. Мой провожатый терпеливо ждал.

Мимо нас проходили школьники, некоторые смотрели на меня с интересом, кто-то и вовсе не замечал. По пути на третий этаж Вова рассказал, что учится в параллельном десятом и ходит при школе в баскетбольную секцию.

Он проводил меня до кабинета и ушел, пожелав хорошего дня.

Я была окрылена доброжелательностью этого парня. Такой красивый, но совершенно не зазнавшийся. Редкостный экземпляр.

Все просто. Достаточно быть милой и дружелюбной, и новые знакомства не заставят долго ждать. А Андрей беспокоился, тоже мне насадка, в школу точно на войну меня снаряжал. Мне стало смешно, и я негромко рассмеялась.

Именно этот момент выбрали девочки из моего класса, чтобы подойти познакомиться.

Я, конечно, от переизбытка информации не запомнила, кого как зовут. Но одну девочку я запомнила. Ее звали Лия, она была так красива, что захватывало дух. И она ко мне не подошла, осталась в стороне. У нее были длинные волосы — абсолютно белые, ниспадающие по спине крупными локонами. Естественный макияж подчеркивал ее нежную красоту. Влажный блеск на губах, изящный разлет бровей, широко распахнутые голубые глаза, обрамленные черными густыми ресницами. Женственная фигура с узкой талией, длинные стройные ноги. На девушке была белая юбка-карандаш, в тон ей жакет, а под ним светло-розовая блуза. На эту девушку было просто не насмотреться.

Начался урок. Учительница, пожилая дама в больших очках и с седыми волосами, заметила меня и, заглянув в журнал, объявила:

— У нас новая ученица. Стефания Гуртова будет учиться в вашем классе. А теперь откройте свои учебники...

Да, пожалуй, я рассчитывала на чуть более длительное представление меня «ко двору».

Ну да ничего, главное, что я со многими уже познакомилась.

Три урока пролетели незаметно. Пока я смогла определить, что в отстающих мне быть не придется. И это меня успокоило.

Вместе с другими девочками из класса я пошла в столовую. У буфета меня поймал Вова и пригласил за стол, где сидел вместе с друзьями.

Одна из девчонок успела мне шепнуть:

— Ты знаешь Вовку Лиманова?

Я дернула плечом. А одноклассница сделала большие глаза и быстро ретировалась.

Друзья Вовы расспрашивали меня о моей прошлой школе, о моем городе и друзьях. Я охотно отвечала, вся светясь от счастья и гордости, что меня приняли так хорошо.

Какой же слепой я была!

Мимо нашего столика прошла Лия. Парни все как один повернули головы и проводили ее взглядами. Но после сразу вернулись ко мне, и мы до конца перемены беззаботно болтали, пили газировку и ели булочки.

У меня никогда не было зависти к чужой красоте. Я не стеснялась себя и не заикливалась на своих недостатках, и мне жилось просто прекрасно.

Со звонком я поспешила на урок. Пока мне все нравилось: ученики, учителя, сама школа, ухоженная и красивая. Я раньше училась в совсем простой школе, где даже на покраску стен и новые стулья денег было не собрать. А тут стены поражали белизной и чистотой, повсюду висели зеркала, было много зелени, в коридорах стояли кожаные диванчики, а в классах новенькие парты и стулья. Причем во всех кабинетах парты были одиночными, а не двойными, как я привыкла. Поэтому вопроса, с кем я буду сидеть за одной партой, не возникло. Здесь все сидели по отдельности.

Перед последним уроком ко мне подошли две девчонки из класса и позвали с собой. Одну яркую блондинку, очень симпатичную и улыбчивую, звали Яна, а другую — брюнетку с длинной косой челкой — Кира.

Они хотели зайти в туалет, поправить макияж.

— Но это мужской! — удивилась я.

— Нет, это женский, просто табличку никак не сменят! Идем!

Я вошла в темный туалет, свет почему-то не работал, девчонки подтолкнули меня в спину и, шепнув: «Развлекайся», со смехом покинули туалет.

Я обернулась, схватилась за дверную ручку, чтобы выйти из туалета, поняв, что девчонки меня разыграли. Тогда я это восприняла как безобидную шутку. Но кто-то подошел сзади и натянул мне на голову тряпочный пакет.

Я вскрикнула. Меня окружило сразу несколько человек и потащили в глубь туалета. А когда закричала, раздался мальчишеский смех.

— Ну и корова, — сказал один из парней и принялся лапать меня. К нему присоединился другой, затем еще один.

Я отбивалась как могла, а они лишь мерзко смеялись и продолжали лапать меня. Кто-то даже руку под кофту засунул.

— Не ори, наф-наф, — шепнули мне на ухо.

— Сочный поросенок! — Кто-то засмеялся.

Я вертелась, пыталась стянуть с головы мешок, но мне в глаза сыпался песок. Мешок, похоже, был из-под чей-то сменки. Я расплакалась, и лишь тогда они меня оттолкнули. Раздался топот ног, я стащила с головы мешок и успела увидеть, как за дверью скрылся

последний — я его узнала. Это был Вова.

Я думала, ничто не сможет меня уже потрясти сильнее. И снова ошиблась.

В туалет вошли Яна и Кира.

Я бросилась к ним с рыданиями, но Яна толкнула меня, и я свалилась на пол, больно подвернув ногу. А Кира подошла и отвесила мне звонкую пощечину. После чего вынула из косметички помаду и принялась рисовать у меня на лице. Я попыталась закрыться, но Яна схватила мою руку, предупредив:

— Тебе же будет хуже!

— Что я вам сделала? — отчаянно вскричала я, всхлипывая и пряча в ладонях изрисованное помадой лицо.

Они вытряхнули пудру мне на голову и встали надо мной, разглядывая.

— Ой, Ян, свинюля плачет.

— Скорее тупорогая корова! — возразила Кира.

— Какое право вы имеете... — начала я, но они засмеялись, не слушая меня.

Они, так ничего не сказав, убежали. Я плакала, сидя у батареи пару минут, затем собралась с силами и поднялась. Нога болела, все тело саднило от щипков. Я поправила одежду и подошла к раковине. Но туалет оказался нерабочим, воды тут не было. А у меня с собой не оказалось даже зеркальца или платка. Помаду пришлось оттирать вырванными из тетради листами, больно царапая кожу.

Я услышала шаги и вздрогнула, выронив листы. Дверь скрипнула и открылась. В темный туалет медленно вплыло белое облако — это была Лия, наполнившая затхлое помещение ароматом легких цветочных духов.

Она молча вынула из сумочки пачку салфеток и протянула мне.

Я нерешительно взяла, прошептав:

— Спасибо.

— Не за что. — У нее был мелодичный и красивый голос.

От ее доброты я не выдержала и снова расплакалась. Она привлекла меня к себе и, похлопывая по спине, сказала:

— Не нужно плакать.

— Я не знаю, что сделала им. Я ничего... — Я захлебывалась от слез.

А Лия легонько похлопывала меня по спине, успокаивая, точно ребенка.

Я не могла успокоиться. Отступила и, с трудом вымолвив: «Спасибо тебе», бросилась прочь. Мне хотелось поскорее покинуть стены этой проклятой школы.

Во дворе, где на меня с любопытством смотрели другие ученики, я не задержалась. Выскочила на набережную и быстро пошла вдоль канала, кутаясь в свою старую куртку.

Я не сразу заметила, что рядом со мной едет машина, а когда увидела «БМВ» Андрея, мне захотелось броситься в канал. Видеть своего самодовольного папашу мне сейчас хотелось меньше всего.

Я шла по тротуару, не желая даже смотреть в его сторону. Я проиграла, а он выиграл. Я оказалась наивной, а он оказался во всем прав.

Андрей перевесился через сиденье и открыл дверцу со стороны пассажирского кресла, продолжая медленно ехать возле меня.

— Залезай.

Позади ему засигналили нетерпеливые водители, которых он задерживал. Андрей включил аварийку и показал водителю позади средний палец. Разве может такой человек

быть родителем?

Я забралась в машину и захлопнула дверцу. В боковое зеркало я видела, что у меня все лицо красное, в следах помады, она не оттерлась.

— Видимо, спрашивать, как прошел первый день, не стоит, — протянул Андрей, поглядывая на меня.

Конечно, он увидел мое разрисованное красной помадой лицо, его только слепой не увидит, пудру в волосах и порванные колготки с юбкой.

— Можешь не делать вид, что тебе жаль! — непослушными, дрожащими губами вымолвила я. — Ты был прав! Доволен? — Я отвернулась к окну.

— Ну конечно. Оделась как клоун, проигнорировала все мои предостережения, вела себя как дружелюбная деревенщина, за что и отхватила, а я плохой оказался.

— Оделась в то, что у меня есть! Не одежда делает людей людьми! Может, я и деревенщина, но мне за себя не стыдно. Это девочкам и мальчикам из школы должно быть стыдно за то, какие они чудовища!

— Но им тоже не стыдно, поверь! Везде есть свои законы и правила, у чудовищ в том числе.

— Тебя обижали в школе?

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Я был чудовищем.

Как я не догадалась? Я ничего не сказала, но вложила в свой взгляд все возможное презрение. Он же лишь усмехнулся. Видать, у меня не получилось презрительно. Слишком жалкий и потрепанный у меня был вид.

Мы приехали к дому и поднялись в квартиру. Я не стала обедать, а после посещения ванной заперлась у себя в комнате.

Пыталась поспать, но услужливая память раз за разом прокручивала кадры моего унижения. Хуже всего — я не понимала, что сделала не так? За что со мной так поступили? Если я этим парням и девчонкам так не понравилась, чего ради они весь день разыгрывали добродушие? Чтобы проще было заманить в ловушку? Но раз так, и это был их план изначально, они не собирались дать мне шанс им понравиться. Я им просто не понравилась с первого взгляда.

Вечером Андрей постучал в дверь и спросил:

— Ужинать будешь?

— Не хочу, — отозвалась я.

— Худеешь, что ли? Но яблоко-то тебе точно можно. Будешь яблоко?

Я распахнула дверь и яростно уставилась на него. Его глаза смеялись, кажется, он нарочно меня решил разозлить.

— Ну раз ты вышла. На кухне пицца...

— Я же сказала, — начала я, но он перебил:

— Но если ты на диете, только скажи!

— Я не на диете! Не дожدهшься! — И я зашагала на кухню, где вытащила из коробки самый большой кусок пиццы и впиалась в него зубами.

А прожевав, я оглянулась и встретила насмешливый взгляд отца. Он стоял, привалившись к дверному косяку, сложив руки на груди, и наблюдал.

— Развел меня, да? — У меня не получилось рассердиться. Когда тебе вкусно, даже

самая свирепая злость становится совсем ручной.

— Это было нетрудно, — покачал головой Андрей. Он прошел и сел рядом со мной. Но взять из коробки пиццу не попытался.

— У тебя что, отдельное питание? — съязвила я, поглощая второй кусок пиццы.

— Просто не ем мучного.

— Планируешь жить до ста?

Он пристально посмотрел на меня.

— Не хочешь поговорить о том, что произошло в школе?

Я покачала головой. О чем тут говорить? Он и так был невысокого обо мне мнения, а если расскажу, совсем перестанет уважать. Хотя зачем мне уважение того, кого я ненавижу? Не знаю.

Вечером мне позвонила Таня. Я плакала в трубку, рассказывая лучшей подруге о первом дне в школе. Мне пришлось выйти на балкон, чтобы Андрей не услышал.

Таня слушала меня, повторяя:

— Не плачь, ну пожалуйста, не плачь, Теф, солнце, они просто тебя не знают.

— Они и не хотят меня узнать!

Я поздно заметила, что на своем балконе сидит мой знакомый по переписке. А когда увидела, сгорая от стыда, спряталась в комнате. Может, он не слышал меня? Все-таки нас разделяет улица!

Я попросилась с Таней и упала на диван, накрыв голову подушкой. От мысли, что завтра мне придется снова пойти в школу, внутри все тряслось. Лучше умереть!

Вечером мне написал сосед из дома напротив:

LI\$: «Не хочешь поболтать?»

Я не ответила, он скинул еще несколько сообщений:

LI\$: «Как первый день в новой школе?»

LI\$: «Мне стоит беспокоиться?»

Я написала:

TeF: «Прости, у меня культурный шок, когда отойду от него, напишу!»

Глава 3

Кусочек земли к чаю

Утром я обнаружила на ручке велотренажера темно-зеленое платье с длинным рукавом и белую кожаную сумку. У дивана стояли новые зеленые замшевые сапожки.

Но я упрямо надела то, что привезла с собой. Синие джинсы, малиновая водолазка с красивыми крупными ягодами и серый вязаный жилет.

Андрей не оценил, обронив:

— Мазохистка.

— Это всего лишь вещи! И если мои одноклассники этого не понимают, мне их жаль! Я не собираюсь ломать себя в угоду этим омерзительным людям! Это, в конце концов, просто унижительно!

— А мне жаль тебя, — потягивая кофе, сказал Андрей, — унижительно не ломать себя, а когда тебя прилюдно ломают каждый день другие. Впрочем, я не стану настаивать. Поступай как хочешь! Твои грабли, твоя жизнь.

— Вот именно! Сегодня все будет иначе. Теперь я готова.

— Рад слышать.

Кажется, он мне не верил. Не верил в меня, что я способна справиться с этой проблемой. Ну я ему докажу. И себе! Больше меня никто не застанет врасплох.

Андрей подвез меня до школы, бросил вслед: «Надеюсь, у тебя есть деньги на метро?» — и укатил. Стало быть, встречать меня из школы каждый день он не собирался. Вчера, видимо, он сделал исключение ради первого учебного дня.

У школы стояли парни, Вова среди них. Им даже хватило наглости мне помахать. Я прошла мимо.

У двери кабинета физики я заметила Киру с Яной, они посмотрели на мои туфли с закрашенными носами и зашептались. Другие девчонки, когда я сделала к ним шаг, все разом отошли и разбрелись кто куда.

Ситуация была куда хуже, чем я предполагала. Мне, похоже, объявили бойкот все девчонки класса. Но я по-прежнему не понимала, что сделала им.

Ближе к звонку пришла Лия. Она сдержанно кивнула встреченным девчонкам и остановилась в одиночестве неподалеку от меня.

В ней я немедленно почувствовала родственную душу. Похоже, ее тоже неважно принимали в этом классе. Может, она, как и я, недавно сюда перешла? Как бы там ни было, она единственная меня поддержала.

Я подошла к ней и поздоровалась.

Лия, одетая в черное однотонное платье с белым воротничком и черные туфли на высоком каблуке, приветливо улыбнулась.

— Ты в порядке? — спросила она.

И мне захотелось обнять ее за этот вопрос. Ну разве можно быть такой красивой и чуткой? На некоторых людей взглянешь, и сразу безошибочно угадывается доброе сердце. Лия была именно такой. Она вся точно излучала свет.

— Да, все нормально, — заверила я.

Мне ужасно хотелось знать, почему ее одноклассницы не принимают, но я не

осмелилась спросить.

Начался урок. Я очень старалась слушать учителя и вникать во все. Не хватало еще к сложным отношениям с одноклассниками прибавить неуспеваемость. И если вчера я подмечала одни плюсы в учителях и школе, то сегодня видела одни лишь минусы. Учителя казались мне неприветливыми, сухими и официальными. В прежней школе педагоги были совсем другими — родными — и вели себя с нами как могли бы вести себя любимые тетушки и дядюшки со своими племянниками. Конечно, нам порой доставалось. Но в том было столько жизни и тепла. А учителя в этой гимназии мало чем отличались от роботов. Белые ровные стены, которые вчера произвели на меня приятное впечатление, сегодня показались унылыми. В моей школе на стенах висели портреты писателей, ученых и композиторов, а еще картины учеников. Это создавало особый уют.

На перемене я позвонила Тане. Она была на физкультуре и со смехом попросила подождать. Включила на громкую связь, и мои одноклассники прокричали мне:

«Те-е-еф, возвращайся скорее! Мы скучаем по тебе!»

— Я вас люблю, — с трудом выдавила я.

В глазах предательски защипало, а в носу закололо. Как же я скучала. Попрощавшись с Таней, я заметила выходящую из класса Лию и увязалась за ней.

Пока мы шли до класса истории, к Лии подбежали две девушки, судя по виду, на пару классов младше. Одна из них начала:

— Лия, мы...

Но Лия сделала незаметный жест и попросила:

— Не сейчас.

Я так и не поняла, что это было. Но девчонки сразу убежали, а Лия повернулась ко мне и, подарив мягкую улыбку, спросила:

— Ты уже записалась в какую-нибудь секцию?

— Нет, а это обязательно?

— Так принято.

— Ну а в какую ходишь ты?

— Во все.

Я потрясенно вскинула брови.

— Как? Их же много. Или я ошибаюсь?

— Бассейн, баскетбол, гимнастика, танцы, шитье, театр, кулинария, развитие речи, писательское мастерство, риторика, рисование, — перечисляла Лия.

— Как ты на все находишь время?

— Время как карусель, одним достаточно недолгого кружения, а кому-то нужно, чтобы карусель не останавливалась. — Она извинилась и сказала, что ей нужно сходить в учительскую.

Я зашла в класс, села за парту, но не успела вытащить из сумки учебник и тетрадь, одна из одноклассниц позвала меня выйти с ней в коридор. Я внутренне напряглась, но все-таки пошла за девчонкой.

В коридоре меня поджидали еще две.

Они представлялись вчера, но я забыла их имена.

— Чего ты все одна ходишь, — сказала та, что позвала меня, — давай с нами?

Я пожала плечами. В самом деле! То, что со мной дурно поступила кучка парней и две девицы, еще не значит, что все здесь плохие.

— Ну и отлично, — улыбнулись мне девчонки.

Прозвенел звонок, я зашла в класс, вернулась на свое место. И сидела, не в силах перестать улыбаться, пока учительница не попросила открыть тетради. Тогда-то я и спохватилась. Моей сумки не было на крючке, куда я ее повесила.

— Госпожа Гуртова, у вас какие-то проблемы?

— Нет моей сумки, я тут ее повесила. — Я посмотрела по сторонам. И наткнулась на взгляд девчонки, позвавшей меня в коридор. Она улыбалась и негромко сказала:

— Возможно, ты забыла ее на прошлом уроке?

— Нет же, я помню... — Я осеклась, потому что вдруг все поняла. Эти девочки не дружить со мной хотели, а просто отвлекли. Все они тут заодно. — Ее украли, — громко и четко сказала я.

Класс прыснул от смеха. Учительница похлопала о стол, призывая к тишине.

— Не стоит выносить преждевременных суждений. Сходите в кабинет, где проходил предыдущий урок, возможно, вы действительно забыли сумку.

Я молча кивнула и вышла из класса. Сердце колотилось где-то в горле. Я думала, что готова, думала, на этот раз меня не обмануть, но встала на те же грабли, что и вчера.

Я двинулась вниз по лестнице с третьего на второй этаж. У подножия лестницы меня уже ждали. Их было трое. Этих парней я прежде не видела. Но их улыбочивые лица не обманули меня, я быстро развернулась и бросилась прочь. Парни кинулись за мной.

Хотела вернуться в класс, но в коридоре стоял еще один парень, и я побежала в другую сторону. Да и чего толку было возвращаться в класс без сумки.

Троица, преследующая меня, разделилась. Но я неслась так, словно от этого зависела моя жизнь, и парни отстали.

Я же не могла остановиться и, не заметив выходящего учителя из кабинета, сбила его с ног. Мужчина лет сорока сразу же вскочил с пола и возмущенно уставился на меня, а парни, выскочившие из коридора, поздоровались с учителем и, на ходу пояснив: «Опаздываем на урок», смылись.

— Вам никто не говорил, что бегать в школьных коридорах запрещено? — процедил учитель, отряхивая брюки.

— Простите, — я все еще сидела на полу, — меня преследовали.

— Неужели? Почему вы не на уроке?

— У меня украли сумку, я пошла искать ее, но парни побежали за мной и... — Я замолчала, поняв, что все это звучит бредово.

Учитель покачал головой.

— Идите на урок.

— Хорошо. — Я поднялась. Больше на пути мне никто не встретился. Я без особой надежды заглянула в кабинет физики, и, к моему изумлению, сумка оказалась на крючке моей парты. Я извинилась перед учительницей за вторжение и, забрав сумку, удалилась. Но в коридоре сразу заглянула в сумку. Все оказалось на месте.

После я вернулась на урок. У меня в голове не укладывалось: неужели я действительно забыла сумку?

Ответ нашелся очень скоро. На следующем уроке, когда я открыла тетрадь по алгебре, все страницы были свернуты в треугольные секретки.

Открыв первый, я увидела надпись: «Я — жирная», в следующем была надпись: «Я — уродливая», в третьем «Я — безвкусно одетая», в четвертом: «Я — глупая», в пятом: «Я

никому не нравлюсь»... Дальше я разворачивать не стала, хотя там еще восемь «признаний» оставалось. И конечно, когда учительница вызвала меня к доске решить пример, я стояла красная от стыда, с сильно колотящимся сердцем, вообще не соображая, что говорит мне учительница. Я видела перед собой десятки гадких улыбок, слышала неприятный шепоток, от которого у меня волосы на затылке вставали и по спине пробегали мурашки.

Учительница отправила меня на место, посчитав, что я еще не адаптировалась.

После урока я вырвала испорченные страницы и, разорвав, выкинула в туалете.

В столовой я купила чай с булочкой и села за самый дальний столик. Но меня и там достали, проходивший мимо парень бросил мне в кружку кусок земли из цветочного горшка и пошел себе дальше как ни в чем не бывало.

Я не выдержала, вскочила, выплеснула испорченный чай ему в спину и поставила пустую кружку на стол.

Парень посмотрел на меня, слово не понимал, за что я с ним так поступила. И как назло, мимо с подносом шел учитель, которого я сегодня уронила. Он видел, как я плеснула в парня чаем, и строго спросил:

— В чем тут дело? Опять вы?

— Он испортил мой чай! Бросил в него землю!

Парень потрясающе разыгрывал невинность, хлопал глазами, переводя взгляд с меня на учителя. Наконец, он пробормотал:

— Я впервые в жизни вижу ее. Какая еще земля?

Учитель взглянул на сидящих рядом девчонок из моего класса.

— Девочки, вы видели...

Одна из них охотно закивала.

— Он шел мимо, а она вылила на него свой чай!

— Но он правда бросил мне в чай землю!

Девчонки покрутили пальцем у виска. А парень снял мокрую толстовку, оставшись в футболке.

Я понимала, что мне не верят, но не хотела сдаваться.

— У меня есть кружка, наверняка там на дне будет земля. — Я повернулась к столу, чтобы взять кружку, но ее не было на месте. А дежурная девочка с подносом, на котором стояли грязные кружки, уже удалялась в сторону буфета.

Я показала на дежурную:

— Она забрала мою кружку!

Учитель смотрел на меня хмуро, наконец, он сказал:

— Извинитесь перед Лешей, и будем считать инцидент исчерпанным.

— Но я... — Мне хотелось плакать от несправедливости, но я крепко сжав зубы, произнесла: — Извини, Леша.

Он кивнул.

— Да ничего, со всеми бывает.

Мне хотелось заорать во все горло. Они все были против меня. Не знаю, как мне хватило терпения сесть за столик и под насмешливыми взглядами дожевать булочку.

Я достала телефон, чтобы хоть как-то успокоиться. И обнаружила, что в столовой работает сеть вай-фай.

Я подключилась и обнаружила сообщение от Лиса.

Он интересовался: «Как дела?» Мне так хотелось с кем-то поделиться, что я быстро,

чтобы не передумать, напечатала:

Tef: «Привет! Дела — ужасно! В школе меня ВСЕ ненавидят!»

LI\$: «О-о-о... так быстро? Ты полна сюрпризов!»

Tef: «Меня избили, надо мной издеваются, меня подставляют. Я не знаю, что делать!»

LI\$: «Попробуй хоть с кем-нибудь подружиться!»

Я вспомнила про Лию, и на душе стало полегче.

Tef: «Есть одна девчонка. Она единственная там нормальная!»

LI\$: «Вот и прекрасно. Общайся с ней. А остальные... привыкнут!»

Tef: «Легко говорить. Не тебе в мужском туалете натянули на голову мешок».

LI\$: «Да уж...»

Tef: «У тебя никогда не было проблем в школе?»

LI\$: «Нет. Я нравлюсь людям!»

Tef: «Ну конечно! Ты наверняка неотразим! А я вот тоже думала, что нравлюсь людям! Но сегодня я столько узнала о себе...»

LI\$: «И что же ты узнала?»

Tef: «Да всякие гадости!»

LI\$: «Я люблю гадости! ☺»

Tef: «Мне пора на урок!»

LI\$: «Так нечестно! Ты не сказала, какие гадости!»

Tef: «Ну, держи на завтрак: Я толстая! Так все говорят с тех пор, как я приехала!»

LI\$: «А ты этого раньше не замечала?»

Tef: «Что?? Нет! Не замечала! Спасибо, блин, что утешил! Вы все такие тактичные в своей культурной столице!»

Я убрала телефон и пошла на урок. Последние три урока прошли без происшествий, только когда уходила, какой-то парень шлепнул меня по попе и нагло предложил:

— Погуляем, рыжик?

Я не ответила и выскочила из школы. До квартиры отца я добралась на метро за 10 минут.

Пообедала яичницей с чаем и пошла делать уроки. Задавали в гимназии много, куда больше, чем в родной школе.

Мне позвонила мама, сообщившая, что прекрасно устроилась и у нее все хорошо. У меня язык не повернулся сказать, будто у меня все плохо, и я соврала, что с отцом лажу, в школе меня приняли хорошо, школа мне нравится.

А что мне оставалось? Если она в Англии, а я здесь? Конечно, я могла попросить материнского совета. Но сомневаюсь, что он оказался бы полезен.

Вечером я зашла в Интернет, чтобы найти ответ на вопрос из учебника по истории, и получила сообщение от Лиса.

LI\$: «Выходи после школы на балкон. Эксперт по женской фигуре оценит тебя!»

Tef: «Вот еще!»

Он ответил мне через пять минут.

LI\$: «Стесняешься? Ну хочешь — просто подойди к балконной двери, а я возьму бинокль!»

Tef: «А хочешь — спускайся на улицу... Я сломаю тебе вторую ногу?»

LI\$: «Это попытка назначить мне свидание? Если ты к каждому делу подходишь так издалека, ничего удивительного, что ты не поладила с ребятами из школы!»

Tef: «Я не поладила с ними, потому что это невозможно! Им не нужно ладить со мной, им нравится издеваться!»

LI\$: «И что ты намерена с этим делать?»

Tef: «Хороший вопрос. Такой нужный!»

LI\$: «Я подумал, возможно, у тебя есть план?»

Tef: «Нет у меня плана ☹».

LI\$: «Так, может, время им обзавестись?»

Tef: «Ну ладно! Мой план прост: вынести этот год и уехать домой!»

LI\$: «Это не план. А фигня».

Tef: «Может, просветишь, каким должен быть идеальный план?»

LI\$: «Конечно, соседка! Перво-наперво тебе надо понять, кто за всем стоит!»

Tef: «А если это группа людей?»

LI\$: «У любой группы есть лидер! Вычисли его».

Tef: «И что мне это даст?»

LI\$: «Это даст тебе цель и откроет перед тобой мишень. Ты сможешь защищаться!»

Tef: «Нападая?»

LI\$: «Конечно!»

Tef: «Я не собираюсь уподобляться ребятам из школы. И не уверена, что нападение поможет!»

LI\$: «Нападение — лучшая форма защиты. Если не веришь мне, поверь Александру Македонскому. Ты же не думаешь, что он может ошибаться?»

Я не отвечала, размышляя над его словами.

LI\$: «У меня гости. До завтра».

Tef: «Пока!»

LI\$: «Но имей в виду...»

Tef: «Что?»

LI\$: «Если хочешь знать, толстая ты или нет, свистни! Балкон, бинокль, все в силе!»

Tef: «МНЕ ВСЕ РАВНО, кто и что думает обо мне! Я такая, какая есть!»

LI\$: «И какая же? Пышка-лгунишка? ☹»

Tef: «Мое предложение насчет твоей второй ноги тоже в силе!»

Он вышел из сети, а я устала на велотренажер, как на своего злейшего врага. И мне даже показалось, что он смотрит на меня укоризненно. И чтобы не видеть его, я накинула на него покрывало.

Спустя полчаса в дверь комнаты постучал Андрей, который вернулся с работы.

— Есть будешь? — спросил он.

Я вышла в прихожую. Я могла поужинать и без него, но почему-то не стала. Не то чтобы мне очень сильно хотелось ужинать с ним вместе... Или я врала себе? Мне было одиноко, так одиноко, что я была готова ужинать с тем, кого ненавижу, лишь бы не одной.

Мы прошли на кухню.

На барной стойке стоял пакет из ресторана.

— Ты никогда не готовишь? — уточнила я.

Он достал из пакета коробки и поставил передо мной.

— Еда еще теплая, только приготовили. Нет, я не готовлю. Зачем? Ресторан на первом этаже.

— У богатых свои привычки. — Я открыла коробку. Внутри было несколько секций, в одной дымился сочный бифштекс, в другой секции был салат, в третьей картофель, а в еще одной бутерброд с икрой.

Я взглянула на отца. Он даже бутерброды не утруждался себе делать.

— А мы с мамой любим готовить.

— Молодцы.

Это было сказано с сарказмом, как мне показалось. Я молча принялась за еду. Когда мы уже пили чай, Андрей спросил:

— Как в школе?

— Все прекрасно! — соврала я.

— Да? Настолько прекрасно, что директор звонит мне на работу и говорит, что моя дочь облила мальчика в столовой чаем.

— Тебе звонил директор? — Я была потрясена. Второй день в школе, а на меня уже донесли. В своей старой школе я проучилась девять лет, ни разу за эти годы моей маме не звонил директор.

— Так что там произошло?

Я тяжело вздохнула.

— Один гад, проходя мимо, бросил мне в чай кусок земли. Вот я и плеснула на него. Это увидел учитель.

Андрей покосился на меня как будто одобрительно.

— А ты с характером. И что же, учитель не сказал парню, что чай с землей — это повод выплеснуть его?

Я трянула косой.

— Мне не поверили. Парень прикинулся агнцем, девчонки, сидящие рядом, приняли его сторону, а кружку с землей быстренько унесла дежурная. Я осталась виноватой, и меня еще прощения заставили просить.

— Просила?

— Пришлось! Что я могла?

— Ну не знаю. Стоять на своем. Потребовать вызвать завуча, а дальше разбираться у директора. Впрочем, если ты так поступишь, то тебе придется быть паинькой, ты лишишься возможности отомстить.

— Что? Отомстить?

Боже! Надеюсь, я ослышалась.

— А что, в тебе совсем нет жажды мести? — изумился он.

— Кто из нас взрослый? Ты должен сказать, что месть — это плохо. Сказать, что конфликтов лучше избегать, нужно искать компромисс, а ты...

Он повел плечом.

— Ну, если тебе нравится пить чай с землей, а потом просить у всяких козлов прощения, то конечно.

Я стремительно поднялась и бросила:

— Прошу прощения, но я сыта и пойду в комнату.

Он оценил мою колкость, но ничего не сказал, лишь усмехнулся.

Глава 4

Фото из раздевалки

Я старалась. Пыталась быть дружелюбной, уходить от конфликтов, никому не навязывалась. Но на третий день мне в столовой в толкучке у буфета размазали по одежде повидло. На четвертый день прицепили на спину стикер с почасовым тарифом, а на перемене я улетела с лестницы от подножки. На пятый день я увидела распечатку, которую передают из рук в руки. На ней было фото из мужского туалета, где на стене был мой номер телефона, а снизу подпись: «Недорого». Днем позже мне залепили в волосы жвачку, которую я вырвала с клоком волос.

Я приходила домой, плакала, отстирывала одежду и мазала зеленкой синяки. Вечером мы с отцом ужинали, он неизменно спрашивал: «Как в школе?», я неизменно врала, что все прекрасно. Он, конечно, не верил, но в душу с расспросами не лез. Маме по телефону я тоже врала. Правду знали лишь Таня и мой виртуальный знакомый Лис. Подруга убеждала меня, что одноклассники очень скоро меня узнают и полюбят. Видимо, она сама так любила меня, что даже представить себе не могла, что кто-то может относиться ко мне иначе. А Лис твердил, что я должна дать отпор именно тому, кто стоит за этими нападениями. Он не понимал, что все это были разные ребята.

Я сидела на перемене в дальнем углу столовой и перебрасывалась сообщениями с Лисом. Мы подружились, я уже не представляла свой день без его язвительных комментариев. Хотя, сколько ни спрашивала, имя свое он открыть не захотел. Уж не знаю, почему он его скрывал. Может, хотел привнести в нашу переписку таинственности.

LI\$: «Вместо того чтобы прятаться по углам, общалась бы со своей подружкой! Пусть другие видят, что ты не одна».

Tef: «Она не моя подружка. У нее нет, похоже, времени на друзей, она посещает множество секций».

Мы с Лией общались, но не слишком часто. Она была одиночкой, как и я, но я успела понять, что ее никто не достает, однако относятся к ней как-то настороженно. Причины я не знала, а сама Лия о всеобщей отчужденности не говорила.

LI\$: «Может, и тебе записаться в какую-нибудь секцию?»

Tef: «В какую?»

LI\$: «В бассейн!»

Tef: «Ты на что-то намекаешь?»

LI\$: «У тебя паранойя!»

Tef: «Отец сегодня предложил мне бегать вместе с ним! Ты предлагаешь записаться в бассейн! А у меня паранойя...»

LI\$: «Ну тогда спроси подружку свою. Сама говоришь, она посещает множество секций!»

Tef: «Я так и поступлю! До вечера!»

Tef: «И знаешь, бассейн – плохая идея, чего доброго меня там утопят!»

LI\$: «Круглые не тонут».

LI\$: «Шутка ☺».

LI\$: «Может, устроим чаепитие на балконах? Скажем, в шесть? Что ты любишь к чаю? Или к кофе?»

Tef: «Я не сладкоежка!»

LI\$: «Отлично. До шести!»

Tef: «До шести!»

Я выходила из столовой, ко мне подрулил Вова. Фамильярно закинул руку на плечи и

сказал:

— Я подошел извиниться.

Я скинула его руку.

— Поздновато.

— Никогда не бывает поздно, если чувствуешь свою вину.

— Да неужели!

— Я понимаю, что ты сердишься. И ты права в этом на все сто. Просто хотел сказать, что я жалею. Ну ладно, тебе, наверно, пора!

Я ничего не ответила и ушла. Не знала, можно ли ему доверять и искренне ли он просил прощения. У него в любом случае вышло слишком нахально!

После урока я подошла к Лии, одетой в строгое серое приталенное платье, и спросила:

— Ты не могла бы подсказать мне какую-нибудь секцию?

— Конечно, — улыбнулась одноклассница, — чем ты любишь дома заниматься?

— Всем понемножку.

— Может, бассейн?

Я почувствовала, что краснею, но все-таки уточнила:

— Почему ты так думаешь?

— Вода способствует хорошему настроению. У нас в школе прекрасный бассейн, тебе понравится!

— Спасибо, подумаю.

— Если что, сегодня в четыре занятие.

До конца уроков я размышляла, стоит ли мне идти в бассейн. Раньше я бы не задумываясь записалась самой первой в подобную секцию. Летом я обожала купаться в Ахтубе или в Ашулук, могла часами сидеть в воде, я хорошо плавала. Ребята из моей старой школы и мечтать о бассейне не могли. А здесь он был. Но последние события вселили в меня неуверенность. То, что для меня раньше было естественным: переодеваться при девочках, уверенно чувствовать себя в купальнике, — теперь вызывало стеснение. Я знала, что надо мной будут смеяться, хотя и не понимала, чем заслужила этот злой смех.

Приехав в квартиру отца, я достала из чемодана купальник и шапочку, мама положила их, заявив, что в Петербурге есть аквапарки.

Повертев в руках купальник, я примерила его, подошла к зеркалу и задумчиво оглядела себя со всех сторон. Я не понимала, что во мне не так. Может, я и не самая худая, но я не выглядела отвратительно. Вполне нормально.

После недолгих раздумий я взяла телефон и написала Лису.

Тef: «Можешь выйти сейчас на балкон?»

LI\$: «Могу! А в чем дело?»

Тef: «Выйди. И возьми бинокль!»

Сама я завернулась в полотенце и после нескольких секунд, которые я взволнованно стояла перед стеклянной дверью, вышла на балкон.

Друг уже сидел у себя на балконе, держа в руках бинокль.

Он помахал мне. Я отпустила полотенце, и оно упало на пол. Мой друг присвистнул. Я услышала его свист и засмеялась. Он поднес бинокль к глазам. Некоторое время смотрел, затем показал мне крутиться. Я повернулась. А потом мне вдруг стало очень стыдно за свое поведение, я наклонилась за полотенцем и сбегала в комнату. Телефон, автоматически подключающийся к Сети, пиликнул, пришло сообщение.

LI\$: «Что это было?»

Tef: «Ты мне скажи!»

LI\$: «О, Афродита, что именно сказать?»

Tef: «Могу я пойти в бассейн?»

LI\$: «А почему нет????»

Tef: «Ты ведь знаешь, меня дразнят...»

LI\$: «Наплюй! Я не увидел причин для издевок».

У меня сердце зашло от радости в бешеном ритме.

Tef: «Спасибо! Ну тогда я помчалась!»

LI\$: «Попутного ветра!»

Я быстро собрала в сумку полотенце, расческу, тапочки, шапочку и выскочила из квартиры. До начала занятий оставалось всего полчаса.

Прежде чем пройти в раздевалку, я пошла к тренеру. Но, зайдя в кабинет, увидела лишь молодого парня, видимо, тоже ожидающегося тренера. От него так вкусно пахло, я даже чаще задышала, чтобы нанюхаться всласть.

Я спросила:

— А где тренер?

Парень обернулся, и я увидела бейджик с его именем «Емельянов Даниил Васильевич» и поняла, что попала впросак — он и был тренером.

— Ой, простите. — Я перестала дышать. Мое нюханье мне показалось ужасно неприличным, я почувствовала, что краснею.

— Ничего. Хочешь записаться на тренировку?

— Да, если можно.

Не дышать от стыда и лепетать не в моей манере, но что-то было в нем такое... Я задохнулась.

Он сел за стол. Открыл тетрадь и вписал мое имя. А затем поднял на меня светло-серые глаза и, то ли спрашивая, то ли утверждая, сказал:

— Ты та новенькая...

Я кивнула. Моя слава бежит впереди меня. Может, он видел мой телефон и имя на стене в мужском туалете. Или наблюдал один из моих позоров с повидлом, полетом с лестницы или жвачкой. Как бы там ни было, ничего хорошего он знать обо мне не мог. Никто в этой школе ничего хорошего обо мне не знал.

— Можешь идти переодеваться, — сказал тренер.

В раздевалке уже находились другие девочки. Среди них были Кира и Лия. У меня в носу все еще жил дивный аромат парфюма тренера. Вот бы узнать, как называется. Хотя узнаю — и что? Куплю и надушу подушку, чтобы крепче спалось? Смех! Или подарю его Макс, когда вернусь! И буду нюхать его!

— Поросенок решил похудеть, — ехидно обронила Кира, облаченная в ярко-красный купальник.

Я проигнорировала ее слова и принялась переодеваться, стараясь ни на кого не смотреть. И поздно заметила, что Кира меня сфоткала на телефон.

Я натянула свой серо-голубой купальник и бросилась к ней.

— Удали!

— Не-а. — Кира тряхнула челкой и выскочила с телефоном из раздевалки. Я побежала за ней, но резко остановилась, увидев, что Кира стоит у бассейна с двумя парнями и показывает им мое фото.

У меня внутри все задрожало, я почувствовала, что сейчас разрыдаюсь. Кто-то тронул меня за плечо, но я стояла, впившись взглядом в одну точку, не в силах двинуться и

вымолвить хоть слово. В горле был ком.

— Все в порядке? — раздался голос тренера.

Я не ответила. Он прошел к Кире и парням, заглянул девушке через плечо. После чего резко выхватил у нее телефон.

— Эй, ты чего! — возмутилась девушка. — Отдай! Даня!

Тренер показал ей телефон и выкинул его в бассейн. А затем отвесил Кире подзатыльник, схватил за руку и потащил к раздевалке.

— Чтобы я тебя больше здесь не видел! — сказал он ей.

Она обернулась и прошипела:

— Ты пожалеешь! Клянусь! И твой папочка-директор тебе не поможет! Ты нарвался!

Так вот почему тренер так молод. Он сын директора школы. Все встало на свои места. Конечно, он не был нашим ровесником, но и в школе уже не учился, скорее всего, в институте.

Из раздевалки вышла Лия в белом купальнике со шнуровкой на груди, белой шапочке, с очками на шее, она сказала тренеру:

— Привет.

Он посмотрел на нее с таким раздражением, словно это она провинилась, и буркнул:

— Шесть бассейнов для разминки.

Она вошла в бассейн и, красиво нырнув, поплыла кролем. А тренер подошел ко мне и сказал:

— Не бери в голову, они просто дурочки избалованные!

Все-таки он знал, что меня достает не только Кира, иначе не сказал бы «дурочки» во множественном числе. Он знал, и оттого мне стало еще более неловко.

— Давай заниматься, — предложил тренер и обезоруживающе улыбнулся. — Ко мне можно на «ты» и обращаться просто по имени.

Представляю, сколько юных сердец учениц он разбил своей улыбкой. Данила был высоким и широкоплечим, со стройной спортивной фигурой, правильными чертами лица и немного вьющимися русыми волосами.

Я вошла в бассейн и проплыла пару метров.

Данила присел на другом конце бассейна на корточки, поджидая, пока я подплыву.

— Покажи, как ты плаваешь кролем. — Он протянул мне подводные очки.

Я показала, на что он сказал:

— Будем учиться.

А я всегда была уверена, что умею. Он показал мне правильное движение руками и дал упражнение: проплыть бассейн на одном боку, а на другом в обратную сторону.

— Даня, я проплыла шесть бассейнов, — сказала Лия, пока я выполняла задание.

— Оболенская, давай еще три с досочкой!

Она не возразила и взяла доску из пенопласта.

А Даня дождался меня и дал упражнение на дыхание. Следовало опуститься под воду и не дышать.

Под водой я провела совсем недолго. Тренер мне даже время не сказал, чтобы, видимо, не огорчать.

— Потом будет лучше, — заверил он, выдал мне ласты и попросил проплыть бассейн под водой без воздуха сколько смогу.

Я выныривала дважды, прежде чем достигла бортика бассейна.

Лия и другие ребята, которые уже прекрасно плавали кролем, занимались на крайних дорожках. Даня давал им задания на время, ребята соревновались и, как мне показалось, получали от занятий огромное удовольствие.

Я же попеременно плавала то на одном боку, то на другом. Потом к этому упражнению добавилось движение рукой, как в кроле. Затем мне пришлось плыть на боку, задерживая дыхание и дышать лишь на третьем гребке.

Когда же под конец занятия все изученные по отдельности элементы кроля были мною применены, я осознала, что плавать раньше не умела. Вернее сказать, вообще представления о правильном кроле не имела. Да и сейчас у меня получалось неважно.

— С каждым занятием будет лучше, — точно прочитав мои мысли, сказал Даниил, когда я выходила из бассейна. — Жду тебя на следующей неделе.

Проходящая мимо Лия взглянула на него и лукаво улыбнулась.

— И меня ждешь?

— Тебя не жду. Но ты все равно придешь.

Мне это показалось грубым с его стороны. Конечно, я не знала подноготную их отношений, но все-таки такой милой девушке, как Лия, можно было бы и помягче отвечать. Но Лия, похоже, не обиделась, шепнула:

— Ты хорошо меня знаешь.

— Лучше, чем хотелось бы, — без тени улыбки произнес Данила и зашагал в кабинет. А Лия обернулась ко мне.

— Как тебе тренировка?

— Здорово! Мне понравилось!

Домой я не шла, а летела на крыльях радости. Я прогулялась вдоль канала и добралась до квартиры отца на автобусе.

На ручке двери я обнаружила пакет, в который не сразу решилась заглянуть. В пакете оказалась розовая симпатичная коробочка с разноцветным печеньем «Mascaron». К ним прилагалась записка: «К чаю!»

И только тогда я вспомнила о назначенной встрече на балконе и чаепитии. К счастью, у меня даже оставалось время заварить чай.

Ровно в шесть я вынесла на балкон маленький столик, стул и принесла поднос с чашкой чая и коробкой печенья.

Мой сосед уже был на месте. Перед ним стоял блестящий чайник, кружка и плетеная корзинка.

Я помахала и не удержалась, крикнула:

— Спасибо за угощение!

Он написал мне:

LIŞ: «Приятного аппетита!»

Tef: «И тебе!»

И мы приступили к чаю с печеньем. Я такого никогда не ела, оно оказалось миндальным, очень нежным и вкусным.

LIŞ: «Как бассейн?»

Tef: «Просто отлично. Представляешь, одна одноклассница сфоткала меня в раздевалке и показала парням, а тренер вступился, отобрал у нее телефон, дал подзатыльник и выгнал!»

LIŞ: «Какой герой!»

Я сама не поняла почему, но уловила в его словах сарказм.

Tef: «Да, герой! Иначе бы мое фото гуляло по всей школе!»

LI\$: «Значит, тебе понравилось заниматься?»

Tef: «Очень!»

LI\$: «А может, тебе понравился тренер?»

Я не стала лукавить.

Tef: «Может! ☺»

LI\$: «Интересно, есть ли у него девушка!»

Tef: «Конечно, есть! У таких – всегда есть девушки!»

LI\$: «Таких? Это каких?»

Tef: «Красивых, уверенных в себе, добрых, способных постоять за слабого!»

LI\$: «Ну просто принц! Наверняка с ТАКИМ тебе ничего не светит! ТАКИЕ предпочитают девочек немного другого типа».

Во мне начала закипать злость.

Tef: «Не понимаю, к чему ты это? Я вроде и не говорила, будто на что-то рассчитываю!»

LI\$: «А тебе и не нужно говорить, ты вся прям источаешь влюбленную ауру, сердечек над головой только не хватает».

Tef: «Я не буду тебе больше ничего рассказывать!»

И я демонстративно отложила телефон, чтобы он видел. И взяла кружку и печенье. Я видела, что экран мигает, приходят сообщения. Наконец, экран погас.

Мы пили чай, глядя друг на друга с балконов, и ели печенье. А после я ушла, махнув на прощание рукой.

И уже в комнате прочитала сообщения, которые он мне отправил.

LI\$: «Я сказал лишь то, что думаю».

LI\$: «Обижаешься?»

LI\$: «Обижайся!»

Я ему ничего не ответила. Он испортил мне настроение. И не потому, что сказал, будто у меня ничего не получится с парнем, в которого я влюбилась. Нет, я не влюбилась. Мне было приятно, что хоть кто-то в этом недружелюбном городе постоял за меня. А мой друг, хотя и неизвестно, друг ли, вместо того чтобы порадоваться за меня, как и мои одноклассники, лишь напомнил, что я какая-то не такая. Да и о какой влюбленности может идти речь? Дома меня ждет Макс. Ну, может, и не ждет, но я вернусь, и мы пойдем в кино. Я здесь на год, мне бы просто выжить в школе и благополучно вернуться домой.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Пьеса «Заговор Фиеско в Генуе». Иоганн Фридрих Шиллер. Пер. В. Крылов.

«Унесенные ветром». Маргарет Митчелл. Пер. Т. Кудрявцевой.

«Унесенные ветром». Маргарет Митчелл. Пер. Т. Кудрявцевой.

«Унесенные ветром». Маргарет Митчелл. Пер. Т. Кудрявцевой.